

томов, не может основываться на наблюдениях над фактами перестройки объекта или предмета познания, вызванными применением разных приемов исследования. Поэтому и «бедствия», грозящие языку и самому человеку, являются воображаемыми.

Среди выдвинутых положений, выявляющих *сredo* автора статьи, находим следующий тезис: «Язык всегда неотделим от человека, которого невозможно представить вне его субъективных суждений и субъективных восприятий» (409). Занимая несколько иную позицию, мы бы сказали, что тезис этот приложим не к языку (категории абстрактной, объективной, наиндивидуальной), а к речи — актам говорения, «текстам» (феноменам конкретным, субъективным, индивидуальным). Из различения (но не противопоставления) «языка» (капитала лингвистического материала) и речи (деятельности, направленной на использование этого капитала для различных потребностей членов языкового коллектива) вовсе не вытекает общий вывод о том, что язык есть «система чисто технических знаков». Однако такое определение, не соответствующее самой «природе бытия» языка, его онтологической специфике, оказывается вполне приемлемым для узких прикладных задач производства инженерных сооружений, с помощью которых осуществляется машинный перевод. Имея в виду именно эти прикладные задачи *sui generis*, напрасно было бы возражать и против определения графического слова как «любой цепочки букв, которой предшествует и за которой следует пробел или знак препинания». Ведь такая формулировка совсем не рассчитана на то, чтобы заменить собою все другие дефиниции слова, поскольку она ориентирована только на аппараты, способные «читать» печатные тексты. И у нас нет научных поводов или этических мотивов для того, чтобы обвинять всех языковедов с инженерным уклоном в злостной пропаганде «искаженных представлений о языке» и даже в «непонимании того, что ясно каждому лингвисту». Предлагаемое же «оптимальное» определение слова как «важнейшей лингвистической единицы, обозначающей явления действительности и психической жизни человека и обычно одинаково понимаемой коллективом людей, исторически между собой связанных и говорящих на одном языке», также не может претендовать на безукоризненность и исчерпывающую полноту. Например, остается неясным, почему именно не предложение, а слово надлежит считать «важнейшей лингвистической единицей». Следует ли отсюда, что предложение не входит в структуру языка, а является достоянием «организованной речи»? Кроме того, в рекомендуемой формулировке «психическая жизнь» обособляется от «явлений действительности», хотя психику принято рассматривать как категорию реальной жизни. И, наконец, если глагол «обозначать» («слово обозначает явления действительности») идентичен глаголу «называть», то, например, союзы, частицы, артикли нельзя квалифицировать как лексические единицы, поскольку они играют служебную роль и ничего не «обозначают» (не имеют номинативной значимости).

В статье Р. А. Будагова высказано много ценных мыслей. Лингвисты с благодарностью примут своевременное напоминание о важности дальнейшего интенсивного изучения проблемы взаимодействия языка и общества, языка и мышления, вопросов о развитии мышления «применительно к отдельным языкам, к группам родственных языков», к языкам с разной типологической характеристикой и проч. Р. А. Будагов выступил инициатором дискуссии по важнейшим темам современной лингвистики. Нужно надеяться, что обсуждение их будет корректным и весьма плодотворным.